

УДК 343.851

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-34-40

О. В. Климанова*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО, В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ: ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Настоящая статья посвящена исследованию правовых основ и правовых пределов ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, что особенно важно ввиду межотраслевого и междисциплинарного характера данного явления, ставшего предметом внимания не только правовых, но и социологических наук. В целях оценки системности законодательства о ресоциализации автором исследованы 22 правовых акта федерального уровня, 81 правовой акт регионального и муниципального уровня. На основании анализа действующего законодательства сделаны выводы об отсутствии взаимосвязи и взаимодействия норм о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации, о несовпадении объема законодательных понятий ресоциализации и социальной адаптации с содержанием их качественных признаков, а также об отсутствии специальных правовых гарантий для освобожденного лица по оказанию ему помощи в приспособлении к принципиально новым условиям жизни. В результате предложены направления улучшения действующего федерального законодательства, которые впоследствии призваны улучшить качество региональных правовых актов и скорректировать практику ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, на местах.

Ключевые слова: ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, профилактика преступлений, цели и задачи уголовно-исполнительной политики, повторная преступность.

Объем, уровень и качество правового регулирования общественных отношений позволяют оценить внимание государства к решению социальных проблем. Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, является важнейшей социальной проблемой, однако, состояние законодательства по данному направлению ненадлежащее. Его объем велик, но это разноуровневое и несистематизированное законодательство, задачи которого остаются невыполненными.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 году более половины (650 565) преступлений совершены лицами, ранее уже преступавшими закон. Их удельный вес составляет 58,2 % от всех предварительно расследованных преступлений (в 2016 г. – 56,7 %) [1, с. 8]. Существенный показатель повторной преступности во многом обусловлен недостаточным урегулированием ресоциализационной работы с лицами, отбывшими уголовное наказание и освобожденными от него. Можно сказать, что поддержка лиц с криминаль-

ным прошлым не стала приоритетным направлением уголовной политики РФ.

Важность рассмотрения вопросов ресоциализации подтверждается и активизацией научных исследований по данной тематике, в частности, с обоснованием необходимости разработки Дорожной карты ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него [2, с. 41–45].

Рассматривая в хронологической последовательности уголовные правоотношения личности и государства, следует констатировать, что первоначальные ресоциализационные мероприятия проводятся на этапе исполнения наказания – соответственно, они должны быть установлены в уголовно-исполнительном законодательстве. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) в ч. 2 ст. 1 предусмотрена такая задача уголовно-исполнительного законодательства, как оказание осужденным помощи в социальной адаптации, хотя само понятие социальной адаптации в УИК РФ не разъяснено (термин «ресоциализация» не встречается вовсе).

* © Климанова О. В., 2018

Климанова Ольга Валериевна (klimanovaov@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Исследование доктринальных позиций относительно определения социальной адаптации позволяет сделать вывод, что оно в целом соотносительно с предметом настоящего исследования – деятельностью по возвращению освобожденного лица в социум. Например, под социальной адаптацией понимают создание благоприятных условий и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих приспособление (приобщение) осужденных в период отбывания наказания вплоть до освобождения к жизни на свободе [3]. Для целей уголовно-исполнительного законодательства данное определение представляется адекватным, однако оно не лишено существенного недостатка, связанного с установлением конечной границы адаптационных мероприятий при освобождении лица в связи с комплексным характером ресоциализации. В этом смысле более предпочтительна другая расширенная трактовка, согласно которой социальная адаптация – процесс подготовки осужденных к освобождению и управления их социализацией после освобождения под контролем уполномоченных органов [4, с. 123–134]. Весьма важно, что данный процесс носит длящийся характер и предполагает осуществление комплекса мероприятий как пенитенциарного, так и постпенитенциарного характера, в том числе осуществляемых после освобождения осужденного.

Закономерно, что уголовно-исполнительное законодательство в большей степени регулирует работу по социальной адаптации в процессе отбывания лицом наказания, которая реализуется посредством, к примеру, привлечения к труду осужденных [5, с. 43–51], организации получения ими образования [6, с. 125–132] и др. (например, ст. 103, 112 УИК РФ). Значительную роль в этом смысле также имеет работа групп социальной защиты осужденных, действующих, как отмечено в приказе Минюста РФ от 30.12.2005 № 262, в целях создания предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы. Ограничиваясь в настоящей статье проблематикой ресоциализации (социальной адаптации) именно лиц, отбывших наказание и освобожденных от него, вопросы, связанные с мероприятиями, имеющими место в ходе отбывания лицом наказания в виде лишения свободы, оставим за рамками исследования. Несомненно, они влияют на адаптационные процессы личности в будущем, однако их влияние опосредованно и отсрочено во времени. Кроме того, оно связано в большей степени с совершенствованием личностных характеристик осужденного, что требует анализа указанных действий и состояний, в т. ч. с точки зрения психологии.

Максимально близко к непосредственному содействию в приспособлении лица к нормальным условиям жизни после освобождения при-

ближаются нормы главы 22 УИК РФ, в которых установлены общие параметры оказания помощи осужденным при освобождении от отбывания наказания. Однако дальнейшая жизнедеятельность освобожденного лица и вопросы постпенитенциарной ресоциализации (адаптации) остаются за пределами регулирования уголовно-исполнительного законодательства.

Оригинальным образом, как будто вне связи с системой уголовно-исполнительного законодательства, соответствующую деятельность регулирует Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», называя ее иначе – ресоциализацией. Указанный разрыв представляется весьма негативным явлением, поскольку эффективность ресоциализации напрямую обусловлена ее непрерывностью до и после освобождения лица [7, с. 208–213].

Иллюстрацией последовательной работы системы ресоциализации может служить зарубежный опыт. Например, в ФРГ существует институт помещения в переходные дома (в рамках т. н. «постепенного освобождения»), администрации которых непосредственно участвуют в поиске работодателей и заключении соглашений о трудоустройстве освободившихся [8, с. 11–12], а в Японии правительство ответственно за решение вопросов трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы лиц в силу Закона «О постпенитенциарной опеке над освободившимися заключенными» [9, с. 85–87]. Однако российские нормы в области пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации не взаимодействуют, а применяются фактически изолированно.

Согласно ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ, ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. При этом каких-либо иных норм, уточняющих или раскрывающих данную форму деятельности, федеральное законодательство не содержит.

Указанное определение ресоциализации включает в себя три структурные характеристики: содержание, субъектов и цель. Положительной оценки в данном случае заслуживает лишь формулирование специальной цели ресоциализации, поскольку она свидетельствует о требовании обеспечения работы именно с соответствующими категориями лиц в ряду других форм профилактического воздействия. Однако две другие заявленные характеристики ресоциализации сформулированы крайне неудачно.

Закон определяет содержание ресоциализации закрытым способом как «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера». Вместе с тем наполнение указанных мероприятий не раскрыто и общее, фактически абстрактное описание сфер их применения не отвечает требованию ясности правовой нормы. Как показывает изучение региональных нормативных документов соответствующей тематики, а также здравый смысл, в ресоциализационный процесс должны включаться в том числе меры медицинского, трудового, жилищного характера, отнесение которых к указанным в законе группам неочевидно.

Кроме того, подобное конструирование содержания ресоциализации вводит в заблуждение относительно ее соотношения с другими формами профилактического воздействия, предусмотренными в ст. 17 указанного Федерального закона, – социальными адаптацией и реабилитацией. При сравнении норм, регулирующих вопросы социальной адаптации и реабилитации (ст. 24, 26 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ), очевидно наличие значительных сходств в указанных категориях. В этой связи предпримем попытку их разграничить, используя такие критерии, как круг адресатов мероприятий, их объем и цель.

Меры социальных адаптации и реабилитации применяются к лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, а меры ресоциализации – к лицам, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшимся иным мерам уголовно-правового характера (которые, впрочем, могут быть отнесены к лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, ввиду чего данный ограничительный критерий весьма условен). С точки зрения объема социальные адаптация и реабилитация включают в себя исключительно социальные меры, ресоциализации же присущ значительно больший масштаб, она носит комплексный характер и представляет собой совокупность мероприятий социально-экономического, педагогического, правового, психологического характера и др., при этом охватывая и адаптационно-реабилитационные меры. Специальная цель свойственна лишь ресоциализации, и она предопределяет объем ее мероприятий.

Другим существенным недостатком Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ в рассматриваемой части является пробельное урегулирование вопроса о субъектах ресоциализации. По буквальному предписанию закона к ним отнесены общие субъекты профилактики правонарушений (органы исполнительной власти и местного самоуправления, прокуратуры и следственные органы Следственного комитета РФ) и непубличные лица, участвующие в профилактике правонарушений (в силу ст. 2 Федерального закона – граждане, общественные объединения и иные организации). Учитывая контингент адресатов ресоциализации, в работу с

ними, несомненно, на постпенитенциарном этапе в первоочередном порядке должны включаться МВД и ФСИН. МВД уполномочено в силу своего Положения на принятие мер по предупреждению преступлений и административных правонарушений, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению, а ФСИН является органом, взаимодействие с которым имеет принципиальное значение в рамках постпенитенциарной ресоциализации, служащей продолжением аналогичной работы, начатой в период отбывания наказания. В этой связи не ясна логика законодателя, не выделяющего обособленно такой инструмент эффективной ресоциализационной работы с освобожденными лицами, как взаимодействие МВД, ФСИН и других структур для целей постпенитенциарной ресоциализации. Они, несомненно, являются указанными «органами исполнительной власти», однако их отсутствие среди других прямо названных органов правоохранительного блока может ввести в заблуждение относительно обязательности их участия в данной работе. Подобный негативный результат уже наблюдается на региональном уровне. В большинстве изученных нормативных программных актах субъектов РФ, устанавливающих комплексно параметры ресоциализационной работы, к числу участников мероприятий отнесены лишь отдельные региональные органы исполнительной власти.

Справедливо в этой связи отметить, что на уровне координационных (совещательных) органов, образуемых публичными органами власти, работа с соответствующими правоохранительными органами на практике ведется. Как правило, задачи ресоциализации освобожденных лиц в ряду многих других ставятся перед межведомственными комиссиями по профилактике правонарушений (Владимирская, Волгоградская, Мурманская области и др.). Лишь в редких регионах, например в Хабаровской крае, созданы специальные межведомственные комиссии по ресоциализации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем, несмотря на наличие таких комиссий и рабочих групп, следует понимать, что юридические последствия решений совещательного органа с широким спектром задач, помимо вопросов ресоциализации и нормативного закрепления конкретных самостоятельных гарантий, в указанной сфере неравноценны.

Выявленные недостатки регулирования вопросов ресоциализации на федеральном уровне влекут риски серьезных негативных последствий. В частности, к ним относятся трудности подзаконного регулирования соответствующих отношений. Учитывая рамочный характер их определения на федеральном уровне, в данной сфере требуется значительная дополнительная правотворческая работа регионов. Каким образом она может быть качественно проведена в условиях терми-

нологической и содержательной неопределенности федерального законодателя, а также наличия противоречий при определении параметров пенитенциарной адаптации (в рамках УИК РФ) и пост-пенитенциарной ресоциализации, не ясно.

На основании проведенного анализа считаем, что ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ следует изменить, определив в ней следующее: «Ресоциализация представляет собой комплекс мер социального, экономического, медицинского, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами ресоциализации в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших наказание, освобожденных от него и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. К субъектам ресоциализации относятся: МВД, ФСИН, иные субъекты профилактики правонарушений, лица, участвующие в профилактике правонарушений. Меры по социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших наказание, освобожденных от него и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера, относятся к мерам ресоциализации». По аналогии с нормой о социальной адаптации также должны быть перечислены основные ресоциализационные мероприятия по установленным направлениям.

В целях понимания особенностей регулирования соответствующих отношений в субъектах РФ был проанализирован 81 правовой акт регионального и муниципального уровня. Их исследование показало, что региональный законодатель следует неоднозначной федеральной практике и при формулировании институтов, фактически регулирующих тождественные отношения по возвращению осужденных лиц к общественной жизни, использует различные термины, такие как «ресоциализация», «социальная адаптация», «социальная реабилитация».

Подавляющее большинство соответствующих актов было принято до вступления в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ и не учитывает его положений, а потому закономерен вывод, что система правового регулирования ресоциализации на разных уровнях фактически не выстроена. Между тем вновь принятые акты также по существу формальны и малоинформативны. Например, в недавнее время принят Закон Самарской области от 11.12.2017 № 117-ГД «О профилактике правонарушений на территории Самарской области» (далее – Закон), который в наиболее общем виде определяет направления такой профилактической работы (ст. 6). В данном Законе термин «ресоциализация» не упоминается, но, учитывая относимость освобожденных лиц в целом к лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, и прямое указание на его применимость к лицам, освободившимся из мест лишения свободы, ряд мероприятий Закона может быть признан направленным на ресоциализацию освобожденных лиц, в частности в сферах социально-демографической и семейной

политики, труда и занятости населения, а также культуры. Однако иные направления профилактики правонарушений, названные в Законе, – медицинское, транспортное, образовательное, спортивное – не содержат в себе конкретных мероприятий, связанных с ресоциализацией. Данный факт можно считать наглядным следствием несовершенства определения содержания мер по ресоциализации в Федеральном законе, фактически не устанавливающего никаких гарантий оказания помощи для освобожденного лица, которые могли бы быть признаны обязательными для регионов.

В целом в субъектах Российской Федерации существует незначительное количество актов законодательного уровня, содержащих нормы, направленные на ресоциализацию освобожденных лиц. Как правило, к ним относятся общие законы об основах профилактики правонарушений (Республика Коми, Еврейская автономная область). В других субъектах (Республика Башкортостан, Кировская, Тюменская, Ульяновская области) приняты специальные законодательные акты, которые устанавливают конкретные меры социальной адаптации (ресоциализации) в различных сферах жизнедеятельности освобожденных лиц.

Примечательно, что большая часть изученных региональных актов 41 субъекта РФ в сфере ресоциализации освобожденных лиц принята в 2009–2010 годах. Вероятно, соответствующая активность была обусловлена наличием поручения Президента Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № Пр-444 о создании системы социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы [10]. В это время не только принимались специальные законы по данному предмету, но и действовали программные документы, специально направленные на регулирование вопросов ресоциализации освобожденных лиц. В республиках Татарстан, Адыгея, Северная Осетия, в Чукотском автономном округе, Томской, Саратовской, Ульяновской областях и др. в эти периоды приняты программы социальной адаптации (реабилитации) освобожденных лиц, которые к настоящему времени в большинстве своем либо не продлены вовсе, либо трансформировались в малоэффективные краткосрочные подпрограммы иных государственных программ с ограниченным финансированием (Самарская, Сахалинская области). Действующую правовую базу в данной сфере составляют по большей части неотмененные акты указанного периода, которые, однако, не соотносятся с системой понятий и категорий профилактического воздействия по дифференцированным направлениям, установленной Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ.

Анализ программных актов субъектов РФ позволяет усилить ранее сделанный вывод, что поддержка освобожденных лиц не является приоритетным направлением региональной политики. Несмотря на нормативную регламентацию значи-

тельного комплекса мероприятий в данном направлении, их реализация фактически заморожена, о чем свидетельствует незначительное финансирование либо отсутствие финансирования мероприятий, однозначно требующих финансовых затрат. Другие проблемы связаны с формальным подходом к выполнению задач: например, большинство мероприятий не предполагает реального оказания помощи освобожденным, о чем свидетельствуют их оценочные формулировки (например, «создание условий», «оказание содействия»); многие мероприятия не учитывают специфики контингента их адресатов (например, мероприятия в сфере занятости – суть мероприятия по работе с безработными). Кроме того, их реализация ограничена работой органов исполнительной власти, и в числе участников программ правоохранительные органы, как правило, не названы.

Следует заключить, что нормативная база Российской Федерации в сфере ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, недостаточна. Если обеспечение пенитенциарной ресоциализации отчасти организовано в исправительных учреждениях в рамках уголовно-исполнительного законодательства, то параметры постпенитенциарной ресоциализации не определены. В федеральном законодательстве фактически продекларирован факт ее проведения, однако конкретные меры по осуществлению данной деятельности не предусмотрены. Ряд исследователей полагает, что трудности постпенитенциарной ресоциализации во многом связаны с правовой скупостью законодателя и могут быть решены посредством принятия специального федерального закона [3; 11, с. 50–53; 12, с. 21–23]. Поддерживая указанную позицию, отметим, что повышение эффективности ресоциализации возможно и посредством корректировки действующего законодательства: наиболее важно, что указанные преобразования должны быть нацелены на доведение до логического завершения проявившегося в законе намерения законодателя обособить в рамках ресоциализации работу именно с осужденными и освобожденными лицами, однозначно исключив эту категорию адресатов мероприятий из сферы действия иных видов социальной работы с лицами, попавшими в трудную жизненную ситуацию, и установив четкий объем пенитенциарных и постпенитенциарных мер, включенных в ресоциализацию, а также прямо перечислив основных субъектов, уполномоченных на их применение.

Библиографический список

1. Состояние преступности в России. За январь-декабрь 2017 г. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой

статистики и информационных технологий. М., 2018. 52 с.

2. Кленова Т. В., Щукина Н. П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 41–45.

3. Антонян Ю. М., Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Рачицкая В. А., Тимошина Е. М., Шиян В. И. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / под ред. проф. Ю. М. Антоняна. М.: Проспект, 2017. Доступ из СПС «Гарант».

4. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russica. 2017. № 2. С. 123–134. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.123-134>.

5. Корякин Е. А. Трудовая занятость осужденных к лишению свободы в России и ее влияние на профилактику рецидивной преступности: постановка проблемы для исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 43–51. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(1\).43-51](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(1).43-51)

6. Гаманенко Л. И., Кузнецов В. И. Профессиональное образование в местах лишения свободы как средство ресоциализации осужденных и их социальной адаптации после освобождения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-125-132>.

7. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Проблемы повышения эффективности социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // Общество и право. 2011. № 3. С. 208–213.

8. Андреев Н. А., Морозов В. М., Ковалев О. Г., Дебольский М. Г., Морозов А. М. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект): учеб. пособие. М.: Права человека, 2001. 182 с.

9. Андреева Ю. В. Государственная политика Японии в области исправления осужденных и их постпенитенциарной адаптации // Инновационные тенденции развития российской науки: материалы IX Международной научно-практич. конф. молодых ученых. 2016. С. 85–87.

10. Обзор о реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий в сфере профилактики правонарушений в 2015 году, подготовленный Правительственной комиссией по профилактике правонарушений. URL: <https://мвд.рф/document/8109795> (дата обращения: 20.04.2018).

11. Лазарева Ю. В. Современные проблемы социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 50–53.

12. Стахов Я. Г. Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1. С. 21–23.

References

1. Sostoianie prestupnosti v Rossii. Za ianvar'–dekabr' 2017 g. [Condition of crime in Russia. For January–December, 2017]. M.: Generalnaia prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Glavnoe upravlenie pravovoi statistiki i informatsionnykh tekhnologii. M., 2018, 52 p. [in Russian].

2. Klenova T. V., Shchukina N. P., Adoevskaya O. A. O dorozhnoi karte resotsializatsii i realnogo vklucheniia v grazhdanskoe obshchestvo lits, otbyvshikh ugovolnoe nakazanie i osvobodennykh ot nego [About the road map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it]. Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4 (26), pp. 41–45 [in Russian].

3. Antonyan Yu. M., Afanas'eva O. R., Goncharova M. V., Rachitskaya V. A., Timoshina E. M., Shiyan V. I. Lichnost prestupnika i profilaktika prestuplenii: monografiia (pod red. d.iu.n., prof. Iu. M. Antoniana) [Identity of the criminal and prevention of crimes: monograph (Doctor of Laws, professor Yu. M. Antonyan (Ed.))]. M.: Prospekt, 2017. Available at legal reference system «Garant» [in Russian].

4. Yuzhanin V. E., Gorban'D. V. Printsip progressivnoi sistemy otbyvaniia nakazaniia v vide lisheniia svobody [The principle of progressive system of serving custodial sentence]. Lex Russica, 2017, no. 2, pp. 123–134. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.123-134> [in Russian].

5. Koryakin E. A. Trudovaia zaniatost osvobodennykh k lisheniuiu svobody v Rossii i ee vliianie na profilaktiku retsidivnoi prestupnosti: postanovka problemy dlia issledovaniia [Labor employment of convicts to imprisonment in Russia and its influence on prevention of recidivism: statement of a problem for the research]. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology], 2017, Vol. 11, no. 1, pp. 43–51. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(1\).43-51](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(1).43-51) [in Russian].

6. Gamanenko L. I., Kuznetsov V. I. Professional'noe obrazovanie v mestakh lisheniia svobody kak sredstvo resotsializatsii osvobodennykh i ikh sotsialnoi adaptatsii posle osvobodheniia [Professional education in places of detention as means of resocialization of convicts and their social adaptation after release]. Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki [Perm

University Herald. Juridical Sciences], 2015, no. 2, pp. 125–132. DOI: [10.17072/1995-4190-2015-2-125-132](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-125-132) [in Russian].

7. Prohorov L. A., Prokhorova M. L. Problemy povysheniia effektivnosti sotsialnoi adaptatsii lits, osvobodhaemykh iz mest lisheniia svobody [Problems of increase of efficiency of social adaptation of the persons released from imprisonment places]. Obshchestvo i pravo [Society and Law], 2011, no. 3, pp. 208–213 [in Russian].

8. Andreev N. A., Morozov V. M., Kovalev O. G., Debol'sky M. G., Morozov A. M. Resotsializatsiia osvobodennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniiakh FRG (sotsialno-psikhologicheskii aspekt): ucheb. posobie [Resocialization of convicts in penal institutions of Germany (social and psychological aspect): textbook]. M.: Prava cheloveka, 2001, 182 p. [in Russian].

9. Andreeva Yu. V. Gosudarstvennaia politika Iaponii v oblasti ispravleniia osvobodennykh i ikh postpenitentsiarnoi adaptatsii [State policy of Japan in the field of correction of convicts and their postpenitentiary adaptation]. In: Innovatsionnye tendentsii razvitiia rossiiskoi nauki: materialy ix mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh [Innovative trends in the development of Russian science: materials of the IX International Research and Practical Conference of Young Scientists], 2016, pp. 85–87 [in Russian].

10. Obzor o realizatsii v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii meropriiatii v sfere profilaktiki pravonarusheniia v 2015 godu, podgotovlennyi Pravitelstvennoi komissiei po profilaktike pravonarusheniia [The review about realization in the federal subjects of the Russian Federation of measures in the sphere of prevention of offenses in 2015 prepared by the Government Commission on Crime Prevention]. Available at: <https://mvd.rf/document/8109795> (accessed 20.04.2018) [in Russian].

11. Lazareva Yu. V. Sovremennye problemy sotsialnoi reabilitatsii lits, osvobodivshikhsia iz mest lisheniia svobody [Modern problems of social rehabilitation of persons released from places of detention]. Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law], 2010, no. 1, pp. 50–53 [in Russian].

12. Stahov Ya. G. Nekotorye puti resheniia problemy sotsialnoi adaptatsii lits, osvobodennykh iz mest lisheniia svobody [Some solutions of the problem of social adaptation of persons released from places of detention]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2012, no. 1, pp. 21–23 [in Russian].

*O. V. Klimanova****RESOCIALIZATION OF PERSONS WHO HAVE SERVED CRIMINAL PENALTY AND WERE RELEASED FROM IT IN REGULATORY ACTS: LEGAL GAPS AND CONTRADICTIONS****

The article is devoted to the research of legal bases and legal limits of resocialization of persons who have served criminal penalty and were released from it that is especially important in view of interbranch and interdisciplinary character of this phenomenon which is a subject of attention not only of legal, but also sociological sciences. For valuation of systemacity of legislation on resocialization 22 federal legal acts, 81 regional and municipal legal acts were investigated by the author. On the basis of the analysis of current legislation conclusions on deficiency of interrelation and interaction of norms on penitentiary and postpenitentiary resocialization, on a discrepancy of volume of legislative concepts of resocialization and social adaptation with the content of their qualitative signs and also on deficiency of special legal warranties for the released person on rendering the assistance in adaptation to essentially new living conditions to him are drawn. As a result the directions of improvement of current federal legislation which are designed to improve the quality of regional legal acts subsequently and to correct practice of resocialization of persons who have served criminal penalty and were released from it locally are offered.

Key words: resocialization, social adaptation; social rehabilitation, persons who have served criminal penalty and were released from it; prevention of crimes, purposes and objectives of criminal executive policy, repeated crime.

* *Klimanova Olga Valerievna* (klimanovaov@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.